



Знаменитая писательница Марина Покровская — в миру Мария Алексеевна Поливанова — стояла посреди комнаты, оглядывалась по сторонам, подслеповато щурилась и часто моргала.

— Что такое? — пробормотала она наконец. — Почему ничего не видно, ты не знаешь?

Вопрос был адресован небольшой белой собаке. Порода называлась «мини-бультерьер», очень напоминала свинью, и писательнице Поливановой нравилось это сходство.

Пес задрал остроухую башку и пристально посмотрел на хозяйку.

— Ах, да! — спохватилась Маня, то есть Мария Алексеевна Поливанова, нашарила в коротких волосах скособоченные очки и водрузила на нос.

— Теперь видно, — удовлетворённо сообщила она бультерьеру.

Комната показалось ей огромной, и было полутемно — жалюзи на окнах опущены, из тонких щелей длинными стрелами бьёт солнце, в лучах танцуют редкие пылинки. Стены до потолка увешаны картинами в золотых и серебряных рамах, вдоль стен витрины.

Маня подошла к стене, посмотрела и хмыкнула в изумлении.

Картины оказались... иконами.

Огромная комната была сплошь завешана иконами. Лики на всех иконах одинаковые — Серафим Саровский.

Маня нагнулась над витриной: внутри были разложены нательные и настольные иконы, кресты с эмалевыми вставками, панагии — всё во славу Батюшки Серафима.

Маня двинулась вдоль витрин, пёс настороженно последовал за ней.

Вдруг в комнате зажёгся свет, и тяжёлый голос произнёс отчётливо:

— Добрый день.

Она оглянулась, почему-то перепугавшись.

— Я Максим Андреевич, — продолжал человек как будто с досадой и двинулся к ней. — А вы, оказывается, молодая, в телевизоре выглядите старше.

— В телевизоре все выглядят старше и толще, — пробормотала Маня. — За это я отдельно его люблю.

Он подошёл, протянул руку, она пожала.

— Здесь только часть коллекции. — Максим Андреевич обвёл глазами стены. — На самом деле я собрал гораздо больше списков.

— Зачем? — выпалила Маня. — Зачем вы их собрали столько?

И тут же выругала себя: человек совсем посторонний, а она так бестактна!

Но он засмеялся.

— Вы хотите и обо мне написать роман?

Маня пожала плечами.

...Почему-то все думают, что она, писательница Покровская, хочет написать о них роман! Водители, продавцы, пилоты самолётов, случайные попутчики в поездах, стоматолог, у которого Маня просидела в кресле полтора часа, до отказа разинув рот, а стоматолог всё это время ковырялся у неё в зубах и безостановочно говорил о своей судьбине.

Как правило, это звучало так: «Сейчас я расскажу вам свою историю, вам обязательно пригодится для романа!»

— Вообще-то, — сказала Маня, рассматривая хозяина, — я собираюсь писать роман о пропавшей иконе. Ну,

вот есть знаменитая история о том, как в тысяча девятьсот четвёртом году какие-то прохиндеи украли Казанскую Божью Матерь, и ведь до сих пор не нашли!

Максим Андреевич посмотрел на неё с интересом.

— Это правда знаменитая история! — протянул он. — Вот об этом бы и написали.

...Почему-то все думают, что лучше неё, Мани, знают, о чем ей писать! Знает издатель Анна Иосифовна: «Манечка, голубчик, напиши о краже картины из музея, главное, побыстрее, к четвёртому уложишься?» Знает редактор Катька Митрофанова: «Мань, послушай, что я тебе скажу. Напиши о том, как обманывают дольщиков, нас с Володькой почти надули!!» Знает Александр Шан-Гирей, мужчина Маниной жизни и на самом деле великий прозаик: «Маня, брось ты свои детективы, напиши уже что-нибудь приличное, ты сможешь!»

И этот дядька тоже знает, оказывается!

— Я бы написала о Казанской, — сказала Маня наконец, — да боюсь, не потяну, там столько архивных материалов и всяких версий! Я для начала хочу о чём-то... менее известном. Вы ведь всё знаете об иконах Серафима Саровского, ну, по крайней мере, мне о вас именно так рассказывали! Была какая-то загадочная история с его прижизненным списком, да?

Вместо ответа Максим Андреевич спросил:

— Хотите посмотреть? Вот здесь иконы начала двадцатого века, а дальше по возрастающей, всё ближе к нашему времени. Я расскажу.

Маня ждала захватывающей истории о чудесах, но Максим Андреевич говорил как-то на редкость скучно и всё больше о том, в какой мастерской был написан тот или иной лик, где изготовлен оклад, а где краски.

Они продвигались вдоль стены очень медленно. У Мани устали ноги, и время от времени она украдкой зевала, не разжимая челюстей. Во время одного такого зевка у неё

пискнуло в горле, и она с испугом посмотрела на рассказчика: вдруг заметит?..

Но он ничего не замечал, всё говорил и говорил.

Манин приятель Рома Сорокалетов уверял, что его партнёр по бизнесу, вот этот самый Максим Андреевич, знает о Серафиме Саровском и его изображениях всё, но Маня и предположить не могла, что это самое «всё» обернётся таким занудством!

Зря она попросила Рому их познакомить, ничего из этого дела не выйдет, придётся искать какие-то другие источники.

Хотя!..

Может, если его разговорить, он что-нибудь интересное расскажет?..

Манин бультерьер Волька, утомившись, брякнулся на бок с гулким звуком, как пустая бочка.

— Вам неинтересно?

— Ну что вы! — фальшиво вскричала Маня. — Страшно интересно! Мне просто немного трудно стоять, я на той неделе с велосипеда упала, нога болит...

— Тогда, может быть, присядем?

Маня с восторгом согласилась присесть.

Максим Андреевич повёл её по просторным залам, обставленным словно музейные — экспозиция «Жизнь и быт дворянской усадьбы на рубеже веков», — мимо лестниц красного дерева, картин и ваз с сухими цветами, и вдруг они оказались на улице!.. Солнце ударило в глаза, Маня прищурилась, а Волька принялся изо всех сил крутить обрубок хвоста — им сразу стало весело, будто их со скучного урока отпустили!..

Пологие ступени вели прямо в сад, видимо задуманный и воплощённый как регулярный парк, — дорожки, засыпанные розовым гравием, ровно, словно по линейке подстриженные кусты, липы с идеально круглыми кронами, купы пионов и ещё каких-то роскошных цветов, названия которых Маня не знала.

...Неужели есть люди, которые так живут? Во всей этой красоте?

Маня покосилась на Максима Андреевича, шагавшего рядом. Каждый день он приезжает сюда с работы — это же его дом! Идёт по дорожкам, поднимается до лестниц морёного дуба, смотрит на воду — вдалеке между деревьями сверкала река, — привычно ничего этого не замечая!

— Как красиво, — сказала она с чувством. — Вот просто восторг!

Максим Андреевич улыбнулся.

— Садам жена занимается. Я в цветах ничего не понимаю.

Ромка Сорокалетов говорил, конечно, что его компаньон и сотоварищ — человек не бедный, но чтоб вот так!..

Маня вздохнула и подумала с некоторым сарказмом, что хорошо бы на даче водосточную трубу переложить, а то из неё льёт прямо под фундамент.

И никакого регулярного парка!..

Мужа, и того нету!

А как бы хорошо и красиво говорить: «Садам муж занимается, я в цветах ничего не понимаю! Я больше по водосточным трубам!»

Маня фыркнула, мысль про трубы её развеселила.

— Присаживайтесь.

Посреди лужайки в пятнистой весёлой тени стояли плетёные кресла, деревянный стол, качалка, садовый диван — всё добротное, ладное, ухоженное.

Маня плюхнулась на диван и глубоко вздохнула от счастья.

— Хотите чаю? Или, может быть, шампанского?

Маня с удовольствием выпила бы глоток ледяного шампанского, но признаться в этом постеснялась и согласилась на чай.

Максим Андреевич ушёл в дом, а она порассматривала липы, понюхала кисть сирени, качавшуюся у неё за голо-

вой, закатила глаза и стала совать сирень Вольке, чтоб тот тоже понюхал. Волька сунул нос в кисть, нюхнул и, как показалось Мане, поморщился.

Вернулся Максим Андреевич с подносом.

— Я сегодня один, — объяснил он. — Женя, моя жена, ещё не вернулась, а домоправительницу я отпустил.

Мане понравилось, что он сказал «домоправительница», а не «прислуга» или «домработница»! Она как-то сразу к нему расположилась. Барин, а чай сам принёс, так трогательно!

Хозяин подал ей чашку, а перед Волькой поставил пиалу с водой — тут Маня окончательно его полюбила.

Не станет она искать никаких других источников, этот вполне подходящий, только рассказывать не умеет, но в принципе мало кто умеет рассказывать!

— Ну, а вы? — спросил Максим Андреевич, когда Маня сделала первый глоток превосходного чаю. — Как оказались в нашей глуши?

— Ничего себе глушь! — удивилась Маня. — Беловодск — большой город!

— И всё же совсем не Москва. — Максим улыбнулся. — И потом, Рома мне говорил, вы в деревне живёте.

— Да-а-а, в заповеднике. — Маня махнула рукой, словно показывая, что где-то там, в стороне, есть заповедник. — Я приехала роман писать. Не могу в Москве. Меня всё время куда-то тянет, надо не надо!.. То на съёмку, то на радио, то вдруг в Пушкинском Египетский зал открыли после реставрации! И я совершенно не могу сосредоточиться.

— Не представляю вашей работы. Я бы не смог. Часами сидеть и писать. Сдохнуть можно.

— Не, не, не, — энергично возразила Маня и ещё глотнула чаю, очень вкусного, — нельзя сдохнуть. Это страшно интересно — сидеть и писать. Понимаете, я в любую минуту могу оказаться где угодно! Вот мне захочется на яхту — бац, и я уже на яхте! И вода плещется, и палуба качается,

и мачта скрипит, и солнце слепит. А потом вдруг мне захотелось на бал — раз, готово дело: люстра отражается в паркете, бриллианты сверкают, оркестр играет, а в соседней зале накрывается стол и снуют лакеи!

Максим засмеялся.

— Мне все говорят, — продолжала Маня, вдохновившись, — чтоб я бросила детективы и стала бы писать концептуальную прозу. Но там же ничего нельзя! Вообще ничего! Там есть законы, каноны, там должно быть всё только настоящее и подлинное! А мне хочется... придумывать! Это же самое интересное!

— Вот это я, наверное, понимаю, — сказал Максим с уважением, — мне нравятся люди, способные придумать. А вы в заповеднике дом купили?

— Я живу в доме моей подруги Марины. У неё в Москве на Тверской огромный книжный магазин, знаменитый. И дача под Звенигородом, а сюда она почти не приезжает. Вот и пустила меня пожить.

— Я думал, знаменитости вроде вас живут в Питере на Дворцовой набережной, а отдыхать ездят в особняк в Сочи!..

— Тётя оставила мне квартиру в Питере, — призналась Маня, — только, конечно, не на Дворцовой, а на Мойке. А особняка у меня нету нигде, Максим Андреевич, ни в Сочи, ни в Москве.

— Почему вы хотите написать детектив об иконе? Странно, на самом деле!

— Но не писать же постоянно о том, как жена уколошила мужа, чтоб получить наследство, или племянник отравил дядю, чтобы въехать в его квартиру!

— А у вас есть детективы про жену и племянника?

— Нет, — честно сказала Маня, и Максим засмеялся.

— Пойдёмте к реке, — предложил он, когда Маня поставила чашку. — Там есть где посидеть, я помню про велосипед и вашу ногу.



Максим нравился писательнице Поливановой всё больше и больше!

— С той стороны у нас лес, — показывал он, пока они медленно шли по дорожке, выложенной розовым кирпичом, как в сказке. — Там есть калитка, можно выйти, и сразу начинается бор — сосны, черника. А за деревьями пристань, небольшая, правда, но пара катеров помещается. Я каждый вечер хожу к реке, и зимой и летом. Мне нравится.

— Да у вас тут вообще рай, — искренне сказала Маня. — Красота!

— Здесь был непролазный бурелом. Мы год только лес чистили, он был заброшен, гнил. Но ничего, расчистили.

— А почему вы не в Москве живете? — Маня посмотрела на него. — Все деловые и оборотистые должны жить в Москве. Ну, как знаменитые в Сочи!..

— В Москве скучно очень, — ответил Максим, и это было неожиданно. — И бестолково. Вся жизнь — пробки и скачки из одного места в другое. Машину не поставить, толпы, люди.

— Ну, на Остоженке всё хорошо, — заметила Маня. — Никаких особенных толп, машины все по дворам, за шлагбаумами.

— Так на Остоженке живут как у нас в Беловодске. — Максим пожал плечами. — Далеко от дома не уезжают, всех соседей и рестораны знают, по чужим местам не ходят.

Маня засмеялась:

— Я никогда об этом так не думала. А вы, должно быть, правы, Максим Андреевич!

Деревья потихоньку расступались, река сверкала всё ближе. Боковым зрением Маня заметила, что слева, у кромки леса кусты качаются из стороны в сторону, словно через них пробирается медведь.

— У вас на усадьбе медведи водятся?..

— Что? Какие медведи, где?

Максим приставил ладонь козырьком к глазам: солнце слепило — посмотрел и широким шагом двинул к лесу.

— Кто там ходит? — зычным голосом спросил он. — Паша, это ты, что ли?..

Волька вдруг зарычал, кинулся было в высокую траву, вернулся и заметался.

— Что такое? — изумилась Маня. — Что за пляски?

Со стороны кустов раздались подряд два негромких сухих хлопка. Волька рванулся и нырнул в траву, Маня за ним. Какой-то человек убежал в лес, собака никак не могла его догнать, мешала высокая густая трава.

— Стой, стой! — кричала Маня то ли убежавшему, то ли своей собаке.

Наконец она выдохлась и остановилась. Из леса донёлся сдавленный вскрик и затрещали ветки.

— Волька, ко мне! Ко мне! Что за безобразие!

И тут Маня увидела Максима. Он почему-то ничком лежал в траве, раскинув руки.

— Максим Андреевич, зачем вы легли?! Вы что, упали?! Вам плохо?!

И как-то в одну секунду Маня вдруг поняла: *зачем*.

У неё потемнело в глазах, стало трудно дышать, и ноги сделались ватными. Она взялась рукой за какой-то куст.

«То берёза, то рябина, — пропел кто-то у неё в голове, — куст ракиты над рекой»<sup>1</sup>.

— Максим, — жалобно позвала Маня. — Вставай.

Она наклонилась над ним — в спине, прямо посередине, были два аккуратных отверстия, вокруг них белая рубашка потихоньку становилась красной.

— На помощь, — очень тихо проговорила Маня. — Кто-нибудь, помогите!..

<sup>1</sup> Строчка из песни А. Пришельца «Наш край».

— Нет, я не понял, зачем вы его застрелили.

Маня, усталая и несчастная, наклонилась вперёд, задрала на лоб очки и потёрла глаза.

— Я никого не убивала, — в десятый раз повторила она с отчаянием. До этого она плакала, потом сердилась, а теперь пришла в отчаяние. — Вы что, не слышите меня?

— Нет, это вы меня не слышите, Мария Алексеевна, — с нажимом сказал молодой оперативник. — Мой вам совет — признайтесь сразу, вам же лучше! Сотрудничество со следствием всегда только на пользу! Мы ведь вас всё равно посадим, вы должны понимать.

— Господи, — пробормотала Маня. — Да что ж это такое?

«...То берёза, то рябина, куст ракиты над рекой...»

— Рассказывайте, рассказывайте, — дружелюбно предложил оперативник, и Маня поморщилась от явной фальши, которая слышалась в его голосе. — В каких отношениях вы состояли с потерпевшим? Вы ему кто? Близкая подруга? Или просто знакомая?

Они сидели в одной из комнат роскошного дома, который только что потерял хозяина, — Мане казалось, что сидели целую вечность, а разговор не двигался с места, крутился, как воронка, засасывая до головной боли.

— Я не подруга и не знакомая, — забубнила Маня в одиннадцатый раз. — Я дружу с Романом Сорокалетовым, а он дружит с... Максимом Андреевичем, они партнёры по работе. Я собиралась писать роман об иконе Серафима Саровского, и Ромка, то есть, Роман Сорокалетов, сказал, что Максим как раз увлекается такими иконами и всё о них знает. Ну, они договорились, я приехала, Максим Андреевич показал мне свою коллекцию, а потом...

— На чем?

Маня не поняла:

— Что — на чем?

— На чем приехали?

— А, на такси, я говорила уже.

— Почему вы его отпустили?

— Кого?

Оперативник посмотрела на неё с отвращением:

— Таксиста, кого! Как вы собирались возвращаться, здесь не центр города!

— Понятия не имею, — честно призналась Маня. — Я об этом не думала.

— Всё наоборот, вы подумали! Вы застрелили хозяина и собирались скрыться через лес. Такси вам только помешало бы.

— А зачем я тогда вас вызвала? — устало спросила Маня.

Оперативник немного подумал:

— Нервишки, видать, сдали. Дамские у вас нервишки, вот и сдали. Ну? Будем признаваться или будем следствию голову морочить? Где орудие убийства?! — вдруг рывкнул он, поднялся и навис над Маней. Маня отшатнулась. — Куда вы его дели, ну?!

Волька у неё в ногах весь напрягся, зашёлся лаем и стал бросаться.

— Уберите собаку, а то пристрелю!

— Волька, нельзя! Ко мне!

Пёс оглянулся на хозяйку — глаза у него были нали- ты кровью, а хищная пасть скалилась, — всё же совладал с собой, отошёл и сел рядом. Короткая шерсть на загривке дыбилась.

— Мы ведь найдём ствол-то, — продолжал оперативник как ни в чем не бывало. — Вы его, небось, в кусты кинули? Или в реку?

— Я никого не убивала, и пистолета у меня нет и не было.

— Значит, будем продолжать голову морочить. Так и запишем. Откуда вы знали, что в доме никого не будет? Когда готовили преступление? Кто вам сказал?

Маня опять потёрла глаза.

— Я в этом доме в первый раз в жизни. С хозяином познакомилась только сегодня. О том, что в доме никого, кроме нас, не будет, я не знала и знать не могла.

— Да ведь всё это легко проверяется, — сообщил оперативник.

— Ну, так проверяйте!

— Да это лишняя работа! Вот вы подумайте сами, выгодно вам лишние задачи нам задавать или выгодней содействовать.

— Да в чем содействовать-то?!

— Признались бы давно, и поехали в камеру.

— Я не хочу в камеру! — завопила Маня. — Я никого не убивала! Вдоль опушки кто-то шёл, я подумала — медведь! Максим посмотрел и пошёл туда, он ещё какое-то имя назвал! Спросил, это ты? Моя собака кого-то погнала, я побежала за собакой, а потом два раза хрустнуло. Или сначала хрустнуло, а потом собака бросилась в лес, я не помню точно! Я подошла, а он лежит ничком, и руки раскинуты!.. Я его позвала, но сразу поняла, что он мёртвый. И я позвонила вам! Вы приехали и накинулись на меня!

— Разве ж я накинулся, — добрым голосом сказал оперативник, — когда я накинусь, вам мало не покажется, дамочка!.. Пожалеете, что на свет родились. Мне ведь вас уговаривать некогда, мне раскрытие нужно, а тут и раскрывать нечего, всё ясно.

— Зачем мне его убивать?

— Да почём я знаю. Вот обещут вас в отделении, может, найдут всяко, золотишко, камушки. Дом-то богатый! Мало ли чего вам захотелось, чего у вас нет, а тут есть. Прихватили хозяина убили, чтоб шум не поднял, но тут нервы сдали вы и позвонили в полицию! Между прочим, звонок вам зачтётся. И добровольное признание тоже, вы головой-то подумайте, что вам выгодней!..

«...То берёза, то рябина, куст ракиты над рекой...»

Бедный Максим!.. Должно быть, утром, собираясь на работу, он и подумать не мог, что к вечеру его не будет в живых. Всё останется — и дом, и сад, и река, — а его не будет...

— А жена? — вдруг спросила Маня своего врага-оперативника. — Вы ей позвонили? Максим сказал, что она ещё не вернулась, и сам чай готовил.

— Мы без вас разберёмся, кому звонить, кому не звонить, вы не указываете.

— Я не указываю, — пробормотала Маня и вдруг заплакала: так стало жалко Максима и его жену, незнакомую ей.

...Всё кончилось, всё потеряло смысл. Липы, цветы, картины. С этого прекрасного, солнечного, тёплого вечера вся жизнь семьи, дома, ближних и дальних пойдёт по-другому.

— Что же делать, — постояла Маня, раскачиваясь из стороны в сторону, — что делать...

— Признаваться, — сухо посоветовал оперативник, косясь на неё брезгливо. — Сейчас следователь приедет, а у нас уж всё готово. Труп есть, убийца по ходу есть, как в аптеке.

— Я никого не убивала.

— Снова здорово, — удивился оперативник, — вы ж почти признались! — И передразнил: — Что делать, что делать!..

Дверь распахнулась, в комнату хлынул свет, Маня зажмурилась.

— Ну, чего тут у вас?

— Всё тип-топ, — бодро и с облегчением сказал оперативник, — здравия желаю, товарищ майор. Труп видели? Огнестрел! А дамочка упирается, говорит, не убивала, хотя по ходу она и убила.

Маня вытерла слезящиеся глаза и посмотрела. Напротив неё на стул основательно усаживался человек, совсем молодой и очень лохматый. Он был в джинсах, мятой футболке и никчёмушной куртёшке.

...Следователь? Товарищ майор?

— Раневский, — представился лохматый, — Дмитрий Львович. Следователь из следственного комитета. А вы?

— Там всё написано, — сунулся оперативник.

— Мария Поливанова, — выговорила Маня, — писательница из Москвы.

— Как — писательница? — удивился следователь.

— Да враньё сплошное, товарищ майор, — опять сунулся оперативник. — Хотя паспортные данные...

— Для себя пишете? — перебил Раневский. — В стол?

— Да не в стол, — Маня шумно выдохнула, — а в издательство! Ну вот же!..

В высоком и узком книжном шкафу плотно стояли книги — насколько Маня успела заметить, книги в этом доме были в каждой комнате, — и свои они отличала моментально, несмотря на плохое зрение.

Она поднялась, подошла к шкафу — оперативник и следователь наблюдали с интересом — и вытащила книгу.

— Вот! Я в прошлом году написала, — и сунула следователю.

Тот недоверчиво взял и повертел в руках.

— Марина Покровская, — пробормотал он, — фамилия знаменитая, и фотография вроде ваша...

— Ну, не ваша же! Марина Покровская — псевдоним!

— Выходит дело, с потерпевшим вы давно знакомы, — торжествующе начал оперативник, — раз у него ваши книжки имеются!

— Они продаются в магазинах.

— Да ну?! И кто ж их покупает?!

— Люди, — буркнула Маня. — Вы не поверите. Есть люди, которые любят читать.

— Дамочка, не морочьте нам голову!..

— Погоди, погоди, — перебил следователь Раневский. — Что вы делали в этом доме? С хозяином хорошо знакомы?